

ВДОХНОВЕНИЕ ТРУДА

«Советская энциклопедия», Москва 1961, 24 июля

хлеб из глубинки, спасает его от начавшейся непогоды. Причем если в пьесе эта внешне «перековка» упрямого и отстающего от жизни председателя недостаточно мотивирована, то для Линькова—Ливанова эта самоотверженная помощь отстающему соседу органична и естественна.

ВТОРЖЕСТВЕННЫЙ день открытия XXII съезда КПСС Московский Художественный театр показал пьесу «Хозяин» молодого драматурга И. Соболева (постановка Б. Ливанова, П. Маркова и В. Маркова).

Сейчас под впечатлением спектакля при всех его неровностях, прорывающихся от несовершенства драматургического материала, не хочется говорить о его недостатках потому, что главное в нем — взволнованность идеями и мыслями современности.

Мысли и чувства героев, самый ритм их жизни — все в «Хозяине» подчинено битве за хлеб. Вот она, страдная пора, когда каждая пара рук на учете, когда дорог каждый час, когда колхозники трудятся самоотверженно, напрягая все силы, забывая о сне и отдыхе. Именно это вдохновение труда, охватившее людей и слившее их в едином стремлении помочь своей Родине стать богаче и сильнее, упоение трудом, меняющее людские судьбы и характеры, удалось показать Художественному театру. И здесь прежде всего следует говорить о замечательном актере советского театра Борисе Ливанове в роли председателя одного из лучших в стране колхозов, дважды Героя Социалистического Труда Линькова. Этот могучий и крепкий, как дуб, седоголовый человек в светло-сером френче — характер сложный, волевой, неукротимый. Так и написан Линьков в пьесе, но Ливанов силой своего таланта еще углубляет образ председателя. Герой Ливанова — это самобытный характер, такая широкая русская натура, безудержная в гневе и радости. Это человек цельный и честный, всем своим существом преданный колхозу, который он своими руками организовывал, строил и выводил в передовые. Погорячился Линьков, дал волю рукам, ударил своего приемного сына Левку за то, что тот выбросил в канаву машину зерна. Распалился и Левка (Н. Алексеев): в тот же час, в страдную пору бросил он свой тра-

ктор и уехал из колхоза вместе со своей женой — родной дочерью Линькова... А потом, несмотря на извинения и просьбы гордого старика вернуться, ушел работать в соседний новый колхоз «Опалиху», за успехами которого ревниво следит Линьков. Горькую обиду затаил старик, такую горькую, что, когда приехал к нему секретарь райкома, умный и тактичный человек Булатов (Л. Губанов), даже когда привез он Левку с повинной, наотрез отказался упрямый старик помогать соседнему колхозу, которому не хватало машин, чтоб убрать свой диковинный по щедрости урожай. И в ответ Линьков услышал, что и без него обойдутся, что если не поможет он людям в беде, значит, не годится он в председатели, значит, пора ему на пенсию.

В этой сцене, когда старый боец Первой Конной, коммунист, один из лучших колхозных председателей страны поставил свою личную обиду выше общего, государственного дела, Ливанов играет с подлинно трагедийной силой. Незабываемо лицо Линькова, когда секретарь райкома Булатов говорит ему: «И партия не посмотрит на твои заслуги, если ты от людей отвернулся. Не потерпит партия в своих рядах сумасбродов!». Его могучая фигура никнет, он опускает свою седую голову и медленно, с трудом выговаривая слова, с глубокой горечью и болью произносит: «Меня? Из партия гнать? С руководства? За то, что всю жизнь народу отдал?». А Левка кричит: «Не бросайте людей в беде, иначе оставаться вам целый век одному! Как камню на дороге! Что только мешает проходить! Одня останетесь! Совсем одни!».

И хотя мы понимаем, что правы Булатов и Левка, что не имеет права коммунист из-за личной обиды отказывать в помощи соседу, но столько силы и правды в словах Ливанова — Линькова, что он «всю жизнь народу отдал», так успел убедить нас, зрителей, Ливанов в том, что Линьков — большой,

умный, сильный человек, настоящий коммунист, преданный колхозному делу, мы так поверили в его мудрость и опыты, в государственный размах его дела, что нас, как и Линькова, глубоко ранил слова Булатова и Левки, такие правильные по существу, если бы они были обращены к другому Линькову, Линькову из пьесы. И нам не понятно — как же Булатов и Левка не видят, что не может такой человек всерьез отказать в помощи молодому колхозу, не даст он погибнуть народному достоянию, потому что для него хлеб, политый трудовым потом, — самое святое, что есть на земле.

И потому, когда актер играет в этой сцене потрясение от незаслуженного оскорбле-

ния, мы понимаем его и сочувствуем ему. Вот Линьков остался один. Отяжелевшей, грузной походкой подходит он к стене, где висит его кавалерийский клинок, берет его в руки, словно для того, чтобы слиться со своей боевой молодостью, чтобы вновь почувствовать, что еще нужны его руки народу и партии. Незабываемы минуты, когда, оставшись один, молча, опираясь на шашку, сидит Линьков, а перед его мысленным взором проходит вся его жизнь, до конца отданная общему делу, и он не может сдерживать скупых горьких слез. И мы верим Линькову.

И действительно, в последнем акте Линьков—Ливанов оправдывает нашу веру в него: сам во главе колонны грузовиков он вывозит опалихинский

На снимке: сцена из спектакля. Булатов — арт. Л. Губанов, Линьков — арт. Б. Ливанов. Фото И. АЛЕКСАНДРОВА.

Волнует заключительная сцена спектакля, когда опалихинские колхозники вместе с Линьковым и его односельчанами, бесконечно усталые и бесконечно счастливые от сознания, что весь хлеб спасен, подхватывают раздающуюся из репродуктора песню. Искренняя взволнованность актеров передается нам, зрителям, и занавес смыкается под гром аплодисментов.

Уходя со спектакля, думать: как богата страна наша, что рождает таких богатей, как Линьков, вспоминаешь, красивых и сильных наследников его дел — Левку и Веру, которую так просто и свежо рисует Т. Забродина; вспоминаешь великодушный по своему лаконизму, точности, остроте образ бабки Маланьи, созданный А. Зуевой; блистательную, тонкую и умную игру М. Прудкина в роли бывшего афериста Кругляковского.

Нас радует героический взлет заключительной сцены... И как-то не хочется думать о том, что первое действие было растянуто и неинтересно, что не нужно передовому председателю колхоза, который любит Баха и дважды в год на самолете летает в Москву посмотреть спектакли, так тщательно подчеркивать черноземную корявость своей речи. («А с меня и моих делов хватит», «Я вон сваво Левку вдарил, так спокою не маю», «А в себе приду» и т. п.). Ищешь не отдельные неровности и просчеты (хотя они порой сказываются довольно ощутимо — и в перегруженности спектакля «настоящими» машинами, и в излишней натуралистичности оформления первых картин, и в налете псевдонародности в трактовке отдельных эпизодов), а с радостью констатируешь увлеченность, с которой Художественный театр решает спектакль, страстность, с которой он рассказывает нам о наших современниках.

Т. КНЯЗЕВСКАЯ.